

**КОНФОРМИЗМ ПРИХОДСКОЙ РЕФОРМЫ
К. П. ПОБЕДНОСЦЕВА**

Alexey Beglov

**THE CONFORMISM OF K. P. POBEDONOSTSEV'S
PARISH REFORM**

The article is devoted to the measures taken by chief procurator of the Holy Synod Konstantin Pobedonostsev between the 1880s–1890s and aimed at the reduction of the severity “of the parish question” in the Russian Empire. The measures included the revision of the parish reforms of the epoch of Great reforms, resulting in a parish counter-reform. It introduced the policy abolishing the enlargement of parishes, which was supported by the episcopate. It also included an unachieved attempt to change *The Regulations of the Parish Wards in Orthodox Churches* (1864). A new edition of *The Instruction to the Church (Parish) Elders* was published at that time, and new attempts were made to solve the issue of material support of the clergy, primarily through the introduction of a government salary. The author agrees that in his parish reform K. P. Pobedonostsev was maneuvering between different social forces, especially between the bishops and the active *zemstvo* members, trying to make concessions to both, but not changing anything substantially. As a result, his “reform” consisting of half-measures was not only incomplete, but, in fact, could not enhance the life of the parish and therefore met the challenges of the time.

Keywords: Russian history of the 19th century; history of the Russian Orthodox Church; Church reform; reform of the Orthodox parish; the spiritual estate; “public Ministry”; Church warden; parochial guardianship; K. P. Pobedonostsev.

Рассматривается комплекс мероприятий 1880–1890-х гг. обер-прокурора Святейшего синода К. П. Победоносцева, направленных на снижение остроты «приходского вопроса» в Российской империи. Часть этих мероприятий представляла собой ревизию приходских преобразований эпохи Великих реформ, своего рода приходскую контрреформу. В их числе были поддержанный епископатам отказ от политики укрупнения приходов, а также незавершенная попытка изменения Положения о приходских попечительствах при православных церквях 1864 г. Кроме того,

в этот период была издана новая редакция Инструкции церковным (приходским) старостам и предприняты новые попытки решения вопроса материального обеспечения духовенства, прежде всего путем введения казенного жалования. Автор солидаризуется с той точкой зрения, что К. П. Победоносцев, проводя свою «приходскую реформу», лавировал между различными общественными силами, в первую очередь между епископатом и активными земцами, стремясь сделать уступки тем и другим, не меняя ничего по существу. На основе анализа свода постановлений и законов, а также архивных материалов делается вывод о том, что его реформа не только осталась незавершенной, но и не могла в принципе активизировать жизнь прихода, а значит, и ответить на вызовы времени.

Ключевые слова: история российской православной церкви, реформа православного прихода, духовное сословие, «народное пастырство», церковные старосты, приходские попечительства, К. П. Победоносцев.

Время, наступившее после Великих реформ, традиционно именуется в историографии периодом контрреформ. В сфере идеологии и церковной политики контрреформы связывают с именем К. П. Победоносцева. Действительно, Победоносцев стремился пересмотреть

Константин Петрович Победоносцев. Портрет работы В. А. Серова. 1902 год

наследие своего предместника в обер-прокурорском кресле Д. А. Толстого, вернуться «лицом к иерархии», мнениям которой последний так явно бросал вызов [Полунов, с. 31]. В области приходского строительства новый обер-прокурор намеревался отказаться от самых одиозных шагов Д. А. Толстого, прежде всего от политики укрупнения приходов (подробнее см.: [Римский, с. 518–546]. Между тем приходские преобразования 1860–1870-х гг. были настолько неудачны, недовольство ими в церковной среде было настолько велико, что взяться за их коррекцию требовала логика самой жизни (подробнее см.: [Руновский; Папков; Смолич, 1997, с. 79–81; Freeze; Федоров; Римский; Алексеева].

С другой стороны все громче свою позицию в области приходских преобразований заявляли новые общественные силы, прежде всего земцы [Беглов, 2014а]. С их публичными выступлениями следовало считаться или, по крайней мере, как-то реагировать на них. В этом контексте вырисовывались контуры того, что можно обозначить как «приходская реформа» К. П. Победоносцева. Конечно, о ней мы можем говорить с большой долей условности. Речь шла скорее об отдельных мероприятиях, которые могли бы успокоить общество, иерархию, но оставили бы в неприкосновенности основу существующей системы государственной церковности в целом и приходского устройства в частности.

Реализация «реформы» предполагала следующие действия: отмену укрупнения приходов, решение вопроса о материальном обеспечении духовенства, пересмотр инструкции церковным старостам, реформу приходских попечительств.

Отмена урезанных штатов приходских церквей 1869 г. была самым естественным и ожидаемым шагом со стороны нового обер-прокурора. Хотя в этом вопросе К. П. Победоносцев действовал со свойственными ему осторожностью и постепенностью. В первые месяцы после своего назначения он только собирал мнения иерархов по поводу политики укрупнения приходов, пытался предугадать их возможную реакцию на отмену этой политики. Вскоре в Синод начали поступать с мест многочисленные прошения прихожан о восстановлении закрытых приходов, удовлетворению которых, по словам самого обер-прокурора, была открыта «широкая дорога». Первые законодательные шаги были совершены в конце 1881 г., когда было принято официальное определение об усилении причтов Санкт-Петербургской и Московской епархий. Окончательная отмена штатов 1869 г. последовала 19/28 февраля 1885 г. одновременно с закрытием Присутствия по делам православного духовенства. Восстанавливать ранее упраздненные приходы епархиальные власти теперь могли без обращения в Синод. Впрочем, полностью восстановить прежнюю приходскую сеть было уже невозможно. Во многих местах возобновление приходов вызывало глухое сопротивление духовенства, ожидавшего уменьшения своих доходов, и даже консисторий. Особенно священников раздражало возвращение в причты штатных диаконов. Где-то восстановление приходов превращалось в кампанию со стороны преосвященных, так что храмы появлялись там, где уже не было прихожан. В любом случае все это вновь обостряло актуальность вопроса о материальном обеспечении духовенства [Айвазов, с. 39–42; Freeze; Полунов, с. 49–50; Римский, с. 542–546.].

Неудачный опыт решения этой проблемы через учреждение приходских попечительств оживил дискуссии начала 1860-х гг. Тогда, как и 20 лет спустя, обсуждались две основные стратегии решения этого вопроса. Общественные круги, близкие к славянофилам, выступали против идеи государственного жалованья духовенству и ратовали за обеспечение священнослужителей силами приходов, что одновременно предполагало выборность клириков, передачу приходам всех церковных доходов и принятие на счет казны содержания духовно-учебных заведений. Авторы из священников, напротив, единодушно и горячо доказывали необходимость полного обеспечения причтов за счет государства. При этом последние подвергали раздраженной и массовой критике позицию славянофильских органов печати. К. П. Победоносцев поначалу не был готов солидаризоваться ни с одной из этих точек зрения. По замечанию А. Ю. Полунова, первое его не устраивало потому, что означало демократизацию приходской жизни, второе – потому, что окончательно превращало священников в чиновников и вело

к полному разрыву с прихожанами. Материальные проблемы духовенства казались обер-прокурору надуманными; решить эти вопросы он полагал возможным, сократив его потребности. Подобные взгляды были изложены в 1880 г. в записке близкого тогда к К. П. Победоносцеву епископа Дмитровского Амвросия (Ключарева). Он предлагал, с одной стороны, назначать в бедные приходы священников бездетных, престарелых, несемейных, с другой стороны – сделать ставку на традиционную религиозность народа и начать формирование клира из мирян-простолюдинов. Так, пожалуй, впервые мы встречаемся с идеей «народного пастырства», которая еще неоднократно в самых разных вариациях будет появляться в контексте приходской реформы. Обратим внимание, что здесь «народное пастырство» мыслилось не выборным; такой «народный пастырь» не выдвигался самостоятельным приходом, а по-прежнему приходил в него по назначению епископа. Идея «народного пастырства», очевидно, тогда была особенно симпатична обер-прокурору. Но в ней его привлекала не столько возможность тесного единения пастырей и пасомых, возможность действительного демонтажа духовного сословия, сколько возможность получить клир, не прошедший специальную богословскую школу. К. П. Победоносцевым руководило прежде всего недоверие к высокой богословской культуре, которая в его глазах была источником повышенных материальных запросов и «умничанья». Однако большинство епископов отнеслись скептически к предложениям епископа Амвросия. Они не были готовы отказаться от «важнейшей традиции имперской государственности – просвещения» клириков [Самарин 1908, с. 97–115; Знаменский, с. 843–844; Полунов, с. 46–49.].

В результате обер-прокуратура вернулась к идее казенного жалованья. Перспектива назначения жалованья обсуждалась еще в конце обер-прокуратуры Д. А. Толстого. Тогда уже было ясно, что ни учреждение попечительств, ни укрупнение приходов не привели к существенному повышению благосостояния духовенства и государственное жалованье остается единственным реальным способом решения этой проблемы. В 1880 г. проект обеспечения жалованьем сельского (и только сельского) духовенства империи рассматривало Присутствие по делам православного духовенства. Предполагалось, что будет установлен особый налог с земель, принадлежащих как крестьянам, так и казне и помещикам, и с другого имущества, облагаемого земскими сборами. Раскладку этого сбора планировали поручить «губернскому по крестьянским делам и особому о земских повинностях присутствиям» на тех же основаниях, что раскладываются земские повинности. Аналогичный сбор был установлен в юго-западных губерниях в 1867 г., а затем и в северо-западных. Предполагалось, что эта мера даст средства, которые позволят выплачивать 600 руб. настоятелю, 400 руб. помощнику настоятеля и 200 руб. в год псаломщику. При этом духовенство должно было полностью отказаться от взимания платы за обязательные требы, к которым Присутствие относило

молитву над новорожденным и родильницей, крещение и миропомазание, венчание, исповедь и причастие, соборование и предсмертное напутствие, отпевание. Был подсчитан и размер проектировавшегося налога. Для обеспечения штатного сельского духовенства тридцати семи внутренних губерний требовалось собирать 15 652 277 руб. в год (при отпускаемых 2 118 922 руб.) [О мерах, с. 7, 32–39]. Но реализован этот проект не был. В 1890 г. печать активно обсуждала новый проект отмены платы за требы и назначения жалованья уже всему духовенству империи. Писали, что этот проект был «подробно разработан» в Синоде и находился на согласовании с министерствами финансов и внутренних дел. Средства для такой реформы должен был дать особый налог со всего православного населения империи. Судя по суммам, которые предполагалось выплачивать священнослужителям (1200 руб. в год благочинным и протоиереям, 600 руб. священникам, 300 руб. диаконам, 200 руб. псаломщикам), между этим проектом и проектом 1880 г. существовало некоторое преемство. Впрочем, Присутствие по делам православного духовенства считало, что назначение подушных сборов, которые легли бы только на податные сословия, было бы «сколь обременительно, столько же и несправедливо». На этот раз для обеспечения жалованьем всего духовенства империи, по подсчетам духовного ведомства, ежегодно требовалось 32 841 600 руб. [Известия и заметки; О мерах, с. 32–33], в два раза больше, чем по проекту десятилетней давности. Как бы то ни было, этот проект также не был реализован. В следующем, 1891 г. в России разразился голод, во время которого пострадало и духовенство. Это стало определенным толчком для реализации планов по обеспечению духовенства казенным содержанием. С 1893 г. этот процесс шел особенно активно, тем более что такая стратегия обеспечения духовенства пользовалась личной поддержкой императора Александра III [Полунов, с. 52]. Для этих целей из средств государственного казначейства дополнительно выделялось сначала 250, а затем по 500 тыс. руб. в год без назначения каких-либо дополнительных сборов. Однако этих субсидий было недостаточно, чтобы решить вопрос о материальном обеспечении духовенства принципиальным образом. Поэтому полемика о необходимости введения казенного жалованья для духовенства продолжалась.

Наиболее острая критика идеи жалованья и сословности духовенства в этот период принадлежала автору анонимной книги «Церковные вопросы в России», вышедшей в Брайле в 1896 г. С. И. Алексеева считает, что ее авторство принадлежало Н. Н. Дурново, публицисту и в прошлом издателю московской газеты «Восток» (закрыта в 1886 г.), пропагандировавшей идеи «византизма» и церковные реформы [Алексеева, с. 101–104]. Книга Н. Н. Дурново – жесткий политический памфлет, в котором К. П. Победоносцев именуется не иначе как «главой» Русской Церкви. Окончательный перевод духовенства на жалованье от казны, по мнению автора, только способствовал бы замыканию духовенства в своем сословии, по его выражению,

в своей «касте», сделал бы его привилегированным, подобно дворянству. «Какие гарантии, – задавался он вопросом, – получит народ, что обеспеченное правительством духовенство, не будет “драть с живого и мертвого”... и будет уставно отправлять богослужение» и учить паству христианским истинам? В качестве примера «ненасытности» духовенства он приводил юго-западные епархии, где оно было обеспечено высоким жалованьем, но плата за требы не исчезала, а священники, по его словам, предпочитали «разъезжать на четверках, в дормезах и колясках» и вести большое хозяйство, вместо того чтобы совершать богослужения [Церковные вопросы в России, с. 107–108, 113, 127–129]. Противовес «кастовости» духовенства автор видел в пастырстве ненаследственном, профессиональном, а не сословном, вышедшем из среды народа, подобно тому как это имеет место на православном Востоке, то есть в «народном пастырстве». Он писал, что

народу нужен священный клир, из него вышедший, ему близкий, знающий его нужды и могущий переносить с ним и горе и радость. Между тем для него с Петровских времен создали какую-то особую духовную касту, которая своею нетерпимостью и обособленностью поражает иностранцев, в особенности приезжих людей с православного Востока. Кастовый характер духовенства имеет отношение к способу комплектования его рядов, к его браку, воспитанию, его быту, к его земным, житейским интересам, но отнюдь не к религиозной жизни [Церковные вопросы в России, с. 127].

«Но почему же, – восклицал он, – народ не может иметь своих собственных, из его среды вышедших пастырей? Или царствие Божие принадлежит лишь детям духовной касты, единственно только в России и существующей?» [Там же, с. 114–115].

Кроме того, он ратовал за самостоятельность прихода и облегчение лежащего на нем финансового бремени (подробнее об этом см.: [Беглов, 2014б]). «Перестаньте обирать храмы Божии на кастовые нужды духовенства, и тогда целые десятки миллионов рублей пойдут на просвещение народа», – писал Н. Н. Дурново [Церковные вопросы в России, с. 112]. Обер-прокуратуру и лично К. П. Победоносцева он обвинял в том, что они смешали «церковь с известным сословием в России и этим способствовали не оживотворению, а умерщвлению духа церковного, что еще более отдалило духовенство от народа и послужило к усилению в России раскола и ересей» [Там же, с. V, 128]. Как видим, для автора «Церковных вопросов в России», как и для других современников славянофильского направления, альтернативой казенному жалованью было участие прихода или земства в вопросе обеспечения духовенства. Но предложения земств, звучавшие в 1870–1880-х гг., либо блокировались духовным ведомством [Полунов, с. 92], либо не были реализованы по другим причинам (подробнее см.: [Беглов, 2014а]). Однако К. П. Победоносцев находил нужным успокоить активных

прихожан, которыми для него были прежде всего земцы. Такую роль, видимо, должна была сыграть новая инструкция церковным старостам.

Вопрос о пересмотре инструкции церковным старостам достался К. П. Победоносцеву в наследство от обер-прокурорства Д. А. Толстого. В декабре 1879 г. при Синоде была учреждена комиссия, перед которой была поставлена задача пересмотреть «правила о церковном хозяйстве». Во главе ее встал присутствовавший тогда в Синоде епископ Рязанский Палладий (Раев), будущий Санкт-Петербургский митрополит (1892–1898). В нее вошли сплошь синодальные чиновники (некоторые из них со своими сотрудниками): помощник управляющего синодской канцелярией Н. И. Павловский, управляющий контролем при Синоде Терленский, ревизор учебного комитета И. К. Зинченко, исполняющий обязанности вице-директора хозяйственного управления Остроумов и юрисконсульт обер-прокурора. Впрочем, председатель комиссии мог пригласить к участию в заседаниях по одному лицу из священнослужителей и старост столицы, согласовав их кандидатуры с Петербургским митрополитом [РГИА, ф. 796, оп. 161, д. 1837, л. 1–4 об.]. В определении Синода довольно прозрачно говорилось о цели работы комиссии. Утверждалось, что старосты, вопреки установленной для них инструкции, являются «совершенно безотчетными сборщиками, хранителями и распорядителями церковных доходов» и поэтому причты, благочинные и епархиальные начальства не имеют точного учета церковных доходов и расходов [РГИА, ф. 796, оп. 161, д. 1837, л. 2 об.]. Вывод, который должны были сделать члены комиссии, был довольно ясен: старост необходимо поставить под еще более жесткий контроль духовенства. К. П. Победоносцев, пришедший в обер-прокуратуру в апреле 1880 г., видимо сочувствовал этой идее. Комиссия епископа Палладия работала в 1880 г., а весной 1881 г. ее председатель был возведен в сан архиепископа [Смолич, 1996, с. 744]. Судя по всему, обер-прокурор был в целом доволен его деятельностью в этом качестве. Однако, когда информация о работе комиссии стала просачиваться в общество, намерения комиссии вызвали серьезное беспокойство и даже организованное сопротивление. Церковные старосты Москвы, по сообщениям печати, были намерены войти в Синод с прошением, «чтобы церковные имущества, а равно и контроль церковно-финансовых операций были в заведывании выборных от прихода». Старосты северной столицы весной 1881 г. «составляли съезд» против комиссии. Характерно, что в обществе были убеждены: если проекты комиссии будут проведены в жизнь и права старост будут ограничены, «тогда все люди дела откажутся от этой должности» [Н. П., с. 316; Богданович, с. 63, 64 (записи от 28 и 30 марта 1881 г.); ср.: Полунов, с. 91]. В этой ситуации К. П. Победоносцев решил не идти на конфронтацию с влиятельными церковными ктиторами, которые и составили оппозицию этой реформе. Комиссия епископа Палладия закончила свою работу без каких бы то ни было последствий. Однако, делая уступку старостам, обер-прокурор одновременно давал им понять, что независим в своих решениях от обществен-

ного мнения: бывший глава комиссии, как мы сказали, вскоре получил почетный титул, а через год – гораздо более важную, чем Рязанская, Казанскую кафедру. Между тем дело с пересмотром инструкции церковным старостам не было забыто. Правда, оно приобретало совсем другое направление. В 1882 г. в осведомленных кругах говорили, что теперь предполагается усилить и сделать «более обязательным» участие прихожан в наблюдении за церковными суммами [Иванцов-Платонов, с. 53]. Как заметил А. Ю. Полунов, Победоносцев, проводя свою «реформу» прихода, лавировал между иерархией, духовенством и мирянами.

Новая редакция Инструкции церковным старостам действительно появилась, но только через восемь лет. Она была утверждена Александром III 12 июня 1890 г. [ПСЗ-3 (12 июня 1890 г. № 6923)]. Она состояла теперь из 58 статей (вместо прежних девятнадцати). Такое существенное расширение ее произошло в основном за счет включения в состав Инструкции тех положений, что были введены законодателем за время действия прежней ее редакции. С этой точки зрения новая Инструкция представляла собой более современный и юридически выверенный документ. Кроме того, в нее входили некоторые новые положения, которые, видимо, отражали воззрения на дальнейшую судьбу прихода, существовавшие в определенных кругах обер-прокуратуры.

Церковный староста определялся теперь как «поверенный прихода, избираемый к каждой приходской церкви для совместного с причтом приобретения, хранения и употребления церковных денег и всякого церковного имущества, под надзором и руководством благочинного и епархиального начальства» (ст. 1). Таким образом, в новой редакции более отчетливо обозначалось подчиненное положение старосты клиру приходской церкви и епархиальным властям. Инструкция вводила ряд ограничений на занятие этой должности. Старостой не мог быть мужчина моложе 25 лет, сектант, неисповедующийся и непричащающийся, подвергавшийся по суду тюремному заключению или более строгому наказанию, несостоятельный должник или состоящий под опекой за расточительность, исключенный из службы по суду или снявший с себя священный сан, содержатель, приказчик и сиделец питейных заведений и волостные старшина и писарь, пока они состоят в этих должностях (ст. 7).

Наряду с этим инструкция содержала положения, которые явно предполагали более активное участие прихожан в приходских делах. В Инструкции описывалось приходское собрание, которое избирало церковного старосту, определялись его состав и процедура проведения (ст. 11–16). В собрание включались живущие в пределах прихода лица не моложе 25 лет, имеющие право участвовать в собраниях органов местного и сословного самоуправления, то есть, как правило, обладающие статусом самостоятельных домохозяев (ст. 8). Эта замена «всех прихожан», которые ранее имели право выбирать старосту, на цензовые элементы была существенным нововведением, на которое

обращали внимание современники [К. И., с. 19]. Новая инструкция также предлагала городским причтам заранее составлять списки возможных участников такого приходского собрания (ст. 10). Такие списки были одним из прообразов приходской книги, введение которой обсуждалось в контексте реформы прихода в 1906–1917 гг. Характерно, что упоминание о согласии причта на избрание старосты в новой инструкции было опущено. Теперь выборы должны были проходить только «в присутствии причта и под наблюдением (курсив наш. – А. Б.) благочинного» (ст. 12). Тем самым роль прихожан в избрании старосты как будто усиливалась. Интересно, что теперь староста и помощников мог приглашать себе, также не испрашивая согласия причта (ст. 24). Кроме того, новые постройки могли теперь осуществляться в приходе только с согласия общего собрания прихожан (ст. 36): причт и староста должны были ходатайствовать перед архиереем о разрешении их только после приговора общего собрания. Впрочем, расходы староста по-прежнему осуществлял с согласия причта (ст. 34).

Согласно статье 2 староста мог избираться и к приписным церквям, у которых не было своих причтов. Утверждалось положение, действовавшее с 1872 г.¹, об избрании старост к домовым церквям разных ведомств начальством этих ведомств с согласия причта домовых церквей; этот выбор, как и в других случаях, требовал утверждения со стороны епархиального архиерея (ст. 3). С 1858 г. старосты бесприходных городских церквей (соборных, кладбищенских) избирались городскими думами «на общем основании выборов в городские должности» по представлению благочинных [ПСЗ-2 (13 декабря 1858 г. № 33888; Указ Св. Синода от 12 января 1859 г. № 406); см. также: Инструкция, с. 9]. Для этого благочинные (то есть фактически причты этих церквей) представляли в думы список возможных кандидатов, из которых городские гласные производили выборы; результаты их представлялись на утверждение архиерея. Инструкция 1890 г. закрепила этот порядок, сделав важное дополнение: «В городах, в коих городское управление состоит преимущественно из лиц неправославного исповедания, выборы производятся непосредственно православными обывателями, созываемыми городским головою» (ст. 18). В любом случае значение городских обществ при таком порядке выбора старост возрастало². Вместе с тем Инструкцией предусматривалось проведение повторных выборов, если архиерей не утверждал избранного собранием кандидата, а в случае повторного неутверждения староста мог быть назначен решением епархиальной власти по представлению причта, причем им мог быть и один из членов причта (ст. 17).

Важным отличием новой редакции Инструкции церковным старостам было то, что она сделала обязательным избрание на срок в один год двух представителей прихожан для участия в ежемесячных поверках церковных сумм (ст. 42) (см.: [Правила о порядке выбора, с. 62–64]).

¹ Указ Св. Синода от 8 августа 1872 г. № 42. См. также: [Инструкция, с. 9–10].

² Несколько иную интерпретацию этих положений см. в: [Полунов, с. 93].

Они должны были удовлетворять тем же требованиям, что предъявлялись по новой Инструкции к церковному старосте. Одним из косвенных следствий этой новой нормы было то, что теперь для избрания этих поверенных лиц становился обязательным по крайней мере ежегодный созыв приходского собрания. В этом тоже проявлялась попытка законодателя возвысить роль прихожан в приходских делах. Однако если представители от прихода не являлись на освидетельствование дохода и расхода, то это освидетельствование, согласно Инструкции, «не останавливалось», хотя о неявке их и делалась специальная отметка (ст. 46). Тем самым складывалась двойственная ситуация: избрание приходских представителей было необходимо, но их присутствие – не вполне обязательно. Кроме того, учреждение института выборных представителей было призвано нейтрализовать приходские попечительства. Ведь в прежней редакции присутствовать при проверке церковных сумм должны были «почетнейшие прихожане» (ст. 10). Это положение члены приходских попечительств толковали в том смысле, что именно они и призваны осуществлять контроль за церковными средствами [ср.: Самарин 1868, с. 30; Самарин 1908, с. 88–96; см. также: Беглов, 2014а]. Теперь возможность такого толкования была устранена.

Обязанности старосты в 1890 г. были по-новому систематизированы, но в целом остались в прежнем своем круге. Разве что новой обязанностью старосты было наблюдение за порядком среди богомольцев во время богослужений и крестных ходов (ст. 22, п. 10). Инструкция 1890 г. конкретизировала параметры денежного оборота в приходах и тем самым ужесточала финансовые требования в отношении приходских церквей. Так, сумма наличных денег, которая могла оставаться в церкви, не должна была превышать 200 руб. (ст. 30)³; остальные деньги должны были отсылаться в Государственный банк (ст. 32). Четко оговаривался размер суммы, на расходование которой староста мог не испрашивать разрешение епархиального начальства (ст. 34): в столицах и в кафедральных соборах староста мог тратить по своему усмотрению до 300 руб. в год, в остальных городских церквях – до 150 руб., в селах – до 50 руб. в год. Также разрешения епархиальной власти требовали теперь не только ремонтные работы в алтаре, но и работы по изменению иконостаса и росписи храма, возведение любых новых церковных построек (колоколен, приделов, оград, домов), любые строительные и ремонтные работы в древних церквях (ст. 35). Покупка недвижимого имущества для обеспечения причта обуславливалась санкцией Синода (ст. 38), как того требовал Устав духовных консисторий. Разрешение выдавать ссуды из церковных денег другим церквям или причтам было обусловлено разрешением архиерея (до 300 руб.) и Синода (более 300 руб.) (ст. 39). В церкви не могли помещаться на хранение деньги, документы и вещи ни старосты, ни причта, ни иных лиц (ст. 33).

³ В 1865–1890 гг. эта сумма не могла превышать 100 руб. См.: [Устав духовных консисторий, с. 52 (ст. 131)].

В инструкцию были включены упоминания о всех видах поощрения церковных старост, которые ранее вводились отдельными законодательными актами. В частности, старосты-крестьяне освобождались от общественных повинностей и от телесных наказаний (ст. 54); старостам, не принадлежавшим к крестьянскому сословию, предоставлялось право носить мундир духовного ведомства 9-го класса в столицах и губернских городах, старостам уездных и сельских церквей – мундир 10-го класса, а старостам из крестьян – кафтан, аналогичный кафтану хоругвеносцев московских соборов (ст. 55, 56); старосты могли награждаться медалями по представлению епархиальной власти (ст. 57). Подобные формы поощрения по-прежнему, как и восемьюдесятью годами ранее, рассматривались как главный способ привлечь прихожан к исполнению должности церковного старосты.

Таким образом, в Инструкции церковным старостам 1890 г. можно проследить тенденцию к усилению роли прихожан – конечно, не всех, а только «благонадежных» цензовых элементов. Такие прихожане должны были собираться как минимум раз в год на приходское собрание, избирать уже без санкции причта старосту и своих уполномоченных для проверки его деятельности. Также Инструкция демонстрировала попытку привлечь к делам соборных и кладбищенских церквей городские общества. Между тем и новая Инструкция не создавала механизм контроля над деятельностью старосты со стороны прихожан. Отчетность старосты перед приходским собранием не предусматривалась, пристальный надзор за ним со стороны причта и благочинного сохранялся. Положение старосты как представителя причта, а не прихода качественным образом не изменилось. Как писал один из современников, оценивая новую редакцию Инструкции,

учреждение это <институт церковных старост> никого не удовлетворило: ни общества, которое стоит в стороне от деятельности церковного старосты и даже не знает, какой именно смысл заключается в этом названии, – ни начальства, которое не может добиться точных сведений о церковных доходах, – ни, наконец, самих старост, которые тяготеют данною им инструкцией, которую они не исполняли, да едва ли когда и будут исполнять, несмотря на установленную для них присягу [К. И., с. 21].

«Приходская реформа» К. П. Победоносцева, как и многие его начинания, носила двойственный и противоречивый характер. Делая уступку мирянам, которые для него ассоциировались в основном с активными земцами, он усиливал роль цензовых элементов, но все же не давал им власти в приходе, шел на уступку, но малозначащую, которая показывала бы желание преобразований, но, по сути, не меняла ничего [ср.: Полунов, с. 93]. Следующим шагом «приходской реформы» был пересмотр Положения о приходских попечительствах 1864 г. В 1893 г. обер-прокуратура предприняла опрос епархиальных преосвященных, желая детально выяснить состояние приходских

попечительств в епархиях и собрать мнения епископов о необходимых изменениях в Положении 1864 г. Соответствующий указ Синода был издан 27 октября 1893 г. Основная часть отзывов преосвященных поступила в Петербург в 1893–1895 гг., хотя некоторые из отзывов приходили и в 1896-м, и в 1897-м, и даже в 1903–1905 гг. (в числе последних были, например, отзывы от Казанской и Уфимской епархий)⁴. Некоторые епархии не прислали отзывов вовсе⁵. Те же отзывы, что поступили в Синод, представляют значительный интерес в силу того, что в них мы можем найти программу приходских преобразований, как они виделись епархиальным преосвященным в конце XIX в.

Основным лейтмотивом этой программы была идея о необходимости «оцерковления» попечительств. Эти организации рассматривались большинством преосвященных как структуры скорее светские, «гражданские», а не церковные, существующие при приходе, а не внутри него, неорганичные для русской церковной традиции (см., например: [РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 471 об., 478 об., 844 и др.]). Эти тезисы перекликались с основным содержанием отзывов их предшественников тридцатилетней давности, которые критиковали тогда еще проект Положения о приходских попечительствах. Некоторые отзывы 1890-х гг., например от Воронежской епархии, прямо цитировали мнения 1863 г. митрополитов Киевского Арсения (Москвина) и Московского Филарета (Дроздова) ([РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 475–476]; о критике проекта Положения о приходских попечительствах в 1860-е гг. см.: [Римский, с. 333–349]).

«Оцерковление» попечительств, согласно рассматриваемым нами отзывам, могло идти по двум путям. С одной стороны, речь могла идти об усилении епархиального, консисторского, благочиннического контроля над этими организациями, о включении их в существующие структуры церковного управления, отчасти о превращении по-

⁴ В 1905 г. вопрос о приходских преобразованиях стоял уже под другим углом и проблемы приходских попечительств отошли далеко на задний план. Обширные и наверняка представляющие значительный интерес доклады благочинных Уфимской епархии, присланные в Синод в феврале 1905 г., остались в синодальной канцелярии даже нераспечатанными. Так они до сих пор и хранятся в РГИА – в прошитом пакете и под несломанной сургучной печатью [РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 920–985 об.].

⁵ С явной апатией к делу о пересмотре Положения о приходских попечительствах отнеслись не только епархиальные власти, но и чиновники духовного ведомства. В 1898 г. К. П. Победоносцев поручил составить на основании полученных из епархий заключений записку с предложениями о дальнейшей судьбе попечительств иркутскому епархиальному наблюдателю церковных школ Брызгалову. Очевидно, последний был лично известен обер-прокурору, который, скорее всего, обсуждал с ним возможность составления и содержание такой записки. В июне 1898 г. синодальная канцелярия выслала полученные материалы в Иркутскую духовную консисторию, а в 1899 г. получила их обратно, но «без всякого заключения Брызгалова». В Петербурге ждали три года. В октябре 1902 г. синодальная канцелярия, наконец, телеграммой запросила у иркутского чиновника долгожданную записку и получила обнадеживающее сообщение: «Записка о попечительствах составлена, представлю». Однако на деле проект, видимо, так и не был представлен: в соответствующем деле записки Брызгалова нет. Что заставило епархиального наблюдателя духовных школ так настойчиво испытывать терпение обер-прокурора, остается только гадать [РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 866, 871–872].

печительств в своего рода коллективные церковные старосты. Этот тип реформирования прихода условно можно назвать *административным*. С другой стороны, речь могла идти о мобилизации прихожан на церковное дело, о сплочении их вокруг своего приходского пастыря, о создании условий для проявления их инициативы. Условно этот тип реформирования прихода можно назвать *органическим*. С определенной долей схематизации можно сказать, что представленные в Синод отзывы тяготели к одному или к другому сценарию реформирования попечительств.

Большинство преосвященных стремились административно подчинить себе попечительства, но одновременно они хотели возложить ответственность за бесперебойное финансирование этих организаций на сельские сходы и волостные власти. Тем самым реформа попечительств 1890-х гг. могла бы повторить судьбу реформы прихода 1808 г.: прихожане снова должны были собирать средства (теперь на храмы и благотворительность, как раньше на духовные учебные заведения), а распорядителями их снова оказывались причт и епархиальные власти. Попечительства же (как прежде церковные старосты) оказывались подконтрольными клиру структурами для сбора этих средств. Недаром многие епископы уподобляли в своих предложениях попечительства церковным старостам. Понятно, что в результате такой реформы недовольство прихожан не снизилось бы, а только выросло. Сомнительно, что новой для себя ролью были бы довольны и сельские власти. Скорее всего, вокруг административным образом реформированных попечительств завязался бы новый узел постоянно тлеющих конфликтов.

В этом нас убеждает и то обстоятельство, что наряду с административным «оцерковлением» попечительств преосвященные фактически настойчиво предлагали передать сбор средств для них в компетенцию сельских сходов. Таким образом, в этом подходе к реформе попечительств содержалось явное противоречие: с одной стороны, предлагалось как можно глубже интегрировать попечительства в систему церковного управления, а с другой – привлечь такие нецерковные с точки зрения синодальной логики институты, как сельские сходы, для решения приходских задач. Конечно, преосвященные, будучи хорошо знакомы с реальным функционированием приходского хозяйства и с той ролью, какую играл сельский сход в этом деле, стремились сделать уступку реальной жизненной практике. Но при этом многие из них не видели иного способа превратить попечительство в церковный институт, кроме как подчинить его контролю структур разного уровня, требовать от него регулярные отчеты и направлять в его адрес инструкции.

Другая стратегия преобразования попечительств, которую сформулировало меньшинство епископов (хотя среди них были и довольно влиятельные архиереи, в частности митрополит Киевский), предполагала превращение их в добровольные приходские братства. Это означало выделение из индифферентного, а иногда и враждебного к Церкви

крестьянского «мира» религиозного костяка прихода, консолидацию активных, равнодушных к религии прихожан вокруг священника, который тем самым становился в первую очередь лидером религиозного союза и активной работы в приходе [ср.: РГИА, ф. 796, оп. 174, д. 1292, л. 196–196 об. (Тульская епархия), 601–605 (Орловская)]. Причем и институционально, и по существу речь в этом случае шла о размежевании, дезинтеграции с «миром», о формировании в виде приходского братства такого религиозного ядра, вокруг которого мог бы образоваться новый приход, новые приходские институты. Однако из проектов пяти преосвященных не всегда было ясно, как они собирались решить одну из центральных проблем приходской жизни пореформенной России – проблему эффективности приходского хозяйства. Из них только епископ Тульский Ириней настаивал на наделении братств правами юридического лица с возможностью широкой хозяйственной деятельности. Другие, как епископ Полтавский Иларион, снова возвращались к идее привлечь к делу обеспечения средствами приходов местные власти, подобно тому как об этом писали преосвященные, отстаивавшие административный способ реформирования попечительств.

Впрочем, к концу 1890-х гг. сам обер-прокурор уже не проявлял заметного интереса к реформе попечительств. Его «приходская реформа» осталась незавершенной. Но даже если бы она была полностью реализована, это мало что изменило бы в положении православного прихода. Противоречивые полумеры, призванные законсервировать существующую ситуацию, не соответствовали политической и общественной обстановке начала XX в.

Айвазов И. Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III-го. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1913. 222 с.

Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб. : Наука, 2006. 276 с.

Беглов А. Л. Земские проекты переустройства православного прихода. 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014а. № 1(32). С. 172–200.

Беглов А. Л. Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. «История. История Русской Православной Церкви». 2014б. № 2(57). С. 56–81.

Богданович А. В. Три последних самодержца. М. : Новости, 1990. 608 с.

Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. Казань : Типография Казанского университета, 1873. 851 с.

Иванцов-Платонов А. М., прот. О русском церковном управлении. Двенадцать статей из №№ 1–16 газеты «Русь» 1882 года. СПб. : Типография А. А. Пороховщикова, 1898. 87 с.

Известия и заметки. Проект положения о материальном обеспечении духовенства // Руководство для сельских пастырей. 1890. № 41. С. 153.

Инструкция церковным старостам (Высочайше утвержденная 17 апреля 1808 г.) и последовавшие с того времени законоположения, относящиеся к обязанностям их / сост. протоиерей Иоанн Чижевский. Харьков, 1883. 94 с.

К. И. Что такое церковный староста? Опыт историко-критического исследования о происхождении и развитии института церковных старост в России. СПб. : Типография А. П. Лопухина, 1902. 23 с.

Н. П. Об отношении духовенства к церковному хозяйству // Руководство для сельских пастырей. 1880. № 31. С. 313–324.

О мерах к улучшению материального положения православного сельского духовенства. (По Высочайше учрежденному Присутствию по делам Православного духовенства). СПб. : Синодальная типография, 1880. 38 с.

Папков А. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя. СПб. : Типография А. П. Лопухина, 1902. IV, 184 с.

Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М. : АИРО-XX, 1996. 141 с.

Правила о порядке выбора представителей от прихожан для поверки церковных сумм, предложенные Преосвященным Викарием Подольской епархии Епископом Димитрием и утвержденные Преосвященнейшим Донатом Епископом Подольским и Брацлавским // Права и обязанности благочинного приходских церквей. М. : Университетская типография, 1900. С. 62–64.

ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 33. Отд. 2. 1858. СПб. : В типографии II Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1860. 595 с.

ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 10. Отд. 1. 1890 г. СПб. : В государственной типографии, 1893. 843 с., 245 с.

РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Святейшего Синода).

Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ: (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. 568 с.

Руновский Н. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1898. 341 с.

Самарин Д. Приход. Ч. 2. М. : Типография А. И. Мамонтова, 1868. 39 с.

Самарин Д. Ф. Собрание статей, речей и докладов. Т. 2: Статьи о приходе. Статьи различного содержания. М. : Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1908. 277 с.

Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1. М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 799 с.

Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 799 с.

Устав духовных консисторий. СПб. : Синодальная типография, 1883. VI, 200 с.

Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М. : Русская панорама, 2003. 480 с., 11 табл.

Церковные вопросы в России: I. Русское духовное ведомство под управлением... статс-секретаря Константина Петровича Победоносцева. II. Старообрядческая церковь. III. Церковно-приходские школы и жалованье российскому духовенству. IV. Палестинское общество в России и другие вопросы. Браила : Первая типо-литография П. М. Пестемалджиоглу, 1896. V, 252 с.

Freeze G. L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton : Princeton University Press, 1983. XXXII, 507 с.

Aivazov, I. G. (1913). *Zakonodatel'stvo po cerkovny'm delam v czarstvovanie imperatora Aleksandra III* [Legislation on ecclesiastical matters during the reign of Emperor Alexander III]. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoj.

Alekseeva, S. I. (2006). *Svyatejsnij Sinod v sisteme vy'sshih i central'ny'h gosudarstvenny'h uchrezhdenij poreformennoj Rossii. 1856–1904 gg.* [Holy Synod in the system of highest and central state institutions in post-reform Russia. 1856–1904 yrs.]. St. Petersburg: Nauka.

Beglov, A. L. (2014). Pravoslavny'j prihod Rossijskoj imperii kak ob'ekt fiskal'noj politiki svetskikh i cerkovny'h vlastej v konce XI – nachale XX v. [Orthodox parish of the Russian empire as an object of fiscal policy of temporal and ecclesiastical authorities in the late 19th – early 20th c.]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II "Istoriya. Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi"*, 2 (57), 56–81.

Beglov, A. L. (2014). Zemskie proekty' pereustrojstva pravoslavnogo prihoda. 1860–1890-e gg. [Zemsky projects of reorganization of the Orthodox parish. 1860–1890s yrs.]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 1 (32), 172–200.

Bogdanovich, A. V. (1990). *Tri poslednih samoderzhczza* [The three last tsars]. Moscow: Novosti.

Cerkovny'e voprosy' v Rossii: I. Russkoe duhovnoe vedomstvo pod upravleniem stats-sekretarya Konstantina Petrovicha Pobedonosceva. II. Staroobryadcheskaya cerkov'. III. Cerkovno-prihodskie shkoly' i zhalovan'e rossijskomu duhovenstvu. IV. Palestinskoe obshhestvo v Rossii i drugie voprosy' [Church issues in Russia: I. Russian Department of religious affairs directed by State Secretary Konstantin Petrovich Pobedonostsev. II. Old Believer church. III. Parochial schools and salary of Russian clergy. IV. Palestinian society in Russia and other questions]. (1896). V. Braila: Pervaya tipo-litografiya P. M. Pestemalzhiglu.

Chizhevskij Ioann, arcpriest. (Comp.). (1883). *Instrukciya cerkovny'm starostam (Vy'sochajshe utverzhdennaya 17 aprelya 1808 goda) i posledovavshie s togo vremeni zakonopolozheniya, otnosyashhiesya k obyazannostyam ih* [Instructions to church wardens (the highest approved on 17 April, 1808) and subsequent statutes on their responsibilities]. Kharkov.

Fedorov, V. A. (2003). *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyj period. 1700–1917* [Russian Orthodox Church and state. The Synodal period. 1700–1917]. Moscow: Russkaya panorama.

Freeze, G. L. (1983). *The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. XXXII. Princeton: Princeton University Press.

Ivantsov-Platonov, A. M., arcpriest. (1898). *O russkom cerkovnom upravlenii. Dvenadczat' statej iz №№ 1–16 gazety' "Rus'" 1882 goda* [About Russian church government. Twelve articles from the newspaper "Rus'" №№ 1–16 1882 year]. St. Petersburg: Tipografiya A. A. Porohovshhikova.

Izvestiya i zametki. Proekt polozheniya o material'nom obespechenii duhovenstva [News and notes. The project of regulations concerning material security of clergy]. (1890). *Rukovodstvo dlya sel'skih pasty'rej*, 41.

K. I. (1902). *Chto takoe cerkovny'j starosta? Opy't istoriko-kriticheskogo issledovaniya o proishozhdenii i razvitiu instituta cerkovny'h starost v Rossii* [What is a church warden? Attempt of historical-critical study on origin and development of the church warden institute in Russia]. St. Petersburg: Tipografiya A. P. Lopuhina.

N. P. (1880). Ob otnoshenii duhovenstva k cerkovnomu hozyajstvu [On relation of clergy to church economy]. *Rukovodstvo dlya sel'skih pasty'rej*, 31, 313–324.

O merah k uluchsheniyu material'nogo polozheniya pravoslavnogo sel'skogo duhovenstva. (Po Vy'sochajshe uchrezhdennomu Prisutstviyu po delam Pravoslavnogo duhovenstva) [About measures conditioning financial standing of the Orthodox rural clergy. (On the highest established Presence on the Orthodox clergy matters)]. (1880). St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya.

Papkov, A. (1902). *Cerkovno-obshhestvenny'e voprosy' v e'pohu czarya-osvoboditelya* [Church-public issues in the times of Tsar-liberator]. St. Petersburg: Tipografiya A. P. Lopuhina.

Polunov, A. Yu. (1996). *Pod vlast'yu ober-prokurora. Gosudarstvo i cerkov' v e'pohu Aleksandra III* [Under the reign of chief-prosecutor. State and church in the times of Alexander III]. Moscow: AIRO-XX.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2. [Complete collection of laws of the Russian empire. Collection 2. Vol. 33. Dep. 2. 1858]. (1860). St. Petersburg: V tipografii II Otdeleniya sobstvennoj E. I. V. Kancel'yarii.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3. [Complete collection of laws of the Russian empire. Collection 3. Vol. 10. Dep. 1. 1890]. (1893). St. Petersburg: V gosudarstvennoj tipografii.

Pravila o poryadke vy'bora predstavitelej ot prihozhan dlya proverki cerkovny'h summ, predlozhenny'e Preosvyashhenny'm Vikariem Podol'skoj eparhii Episkopom Dimitriem i utverzhdenny'e Preosvyashhenneshim Donatom Episkopom Podol'skim i Braczlavskim [Rules on the procedure for the election of representatives from the church congregation for the purpose of checking the amounts proposed by Reverend Vicar Bishop of Podolsk diocese Demetrius and approved by His Grace Bishop of Podolsk and Bratslav Donat]. (1900). In *Prava i obyazannosti blagochinnogo prihodskih cerkvej* (pp. 62–64). Moscow: Universitetskaya tipografiya.

RGIA. F. 796 (Kancel'yariya Svyatejshego Sinoda) [Russian state historical archive. Stock 796 (Office of the Holy Synod)].

Rimskii, S. V. (1999). *Rossijskaya cerkov' v e'pohu Velikih reform: (Cerkovny'e reformy' v Rossii 1860–1870-h godov)* [Russian church in the epoch of Great reforms: (Church

reforms in Russia 1860–1870s yrs.]. Moscow: Kruticzkoje Patriarshee Podvor'e, Obshhestvo lyubitelej cherkovnoj istorii.

Runovskii, N. (1898). *Cerkovno-grazhdanskije zakonopolozheniya otnositel'no pravoslavnogo duhovenstva v czarstvovanie imperatora Aleksandra II* [Church and civil statutes concerning the Orthodox clergy during the reign of Emperor Alexander II]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo Universiteta.

Samarin, D. (1868). *Prihod* [Parish]. (Part 2). Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova.

Samarin, D. F. (1908). *Sobranie statej, rechej i dokladov. T. 2: Stat'i o prihode. Stat'i raznogo sodержaniya* [Collection of articles, speeches and reports. Vol. 2: Articles on parish. Articles of different contents]. Moscow: Tipolitografiya T-va I. N. Kushnerev i Ko.

Smolich, I. K. (1996). *Istoriya Russkoj Cherkvi. 1700–1917* [History of Russian church. 1700–1917]. (Part 1). Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monasty'rya.

Smolich, I. K. (1997). *Istoriya Russkoj Cherkvi. 1700–1917* [History of Russian church. 1700–1917]. (Part 2). Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monasty'rya.

Ustav duhovny'h konsistorij [Ecclesiastical consistory statute]. (1883). St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya.

Znamenskij, P. V. (1873). *Prihodskoe duhovenstvo v Rossii so vremen reformy' Petra* [Parish clergy in Russia since the time of Peter's reform]. Kazan: Tipografiya Kazanskogo universiteta.

The article was submitted on 10.05.2014

Алексей Львович Беглов

к. и. н.

Россия

Институт всеобщей истории РАН;

МИФИ

beglov.al@yandex.ru

Alexey Beglov, Dr

Russia

Institute of World History,

Russian Academy of Sciences;

MEPhI

beglov.al@yandex.ru